

Чу Лянь спросонья выбралась из кровати и сладко зевнула.

— Который час?

— Немного за восемь, — ответила Линь Юйлин. — У меня сегодня нет экзаменов, так что я могу весь день провести с тобой. Тебе точно приснился кошмар, ты всю ночь что-то бормотала во сне.

— Бормотала?

Линь Юйлин энергично закивала:

— Ага. Ты повторяла: «Только не перепутайте их», — и так раз за разом. Что именно нельзя перепутать? Тебе снилось, что ты делаешь уборку?

Чу Лянь с сомнением посмотрела на подругу. Она не помнила, чтобы говорила нечто подобное во время недавней встречи с Е Лицин. В том сне они бесконечно долго брели по черной дороге в сторону вечных сумерек, и уж точно никакой уборки там не было.

— Я правда это говорила?

Линь Юйлин обиженно надулась:

— Зачем мне тебя обманывать? Так и говорила, много-много раз. Я уж подумала, что ты превратилась в магнитофон. Видимо, ты просто забыла свой сон.

Она встала с кровати и отправилась на кухню разогреть в микроволновке молоко, купленное накануне. Печь осталась от прежних хозяев, и с тех пор, как Линь Юйлин однажды попыталась сварить в ней яйца — они взорвались, выбив пробки, — техника постоянно барахлила. Но в этот раз микроволновка сработала безупречно, и молоко быстро нагрелось.

Чу Лянь знала: это Е Лицин решила проблему. Та говорила, что ей незачем сюда приходить, но, почувствовав присутствие Чу Лянь, не удержалась. Е Лицин любила её. Любила ещё с тех пор, как самой Чу Лянь было двенадцать.

Сидя на краю кровати, Чу Лянь размышляла о Е Лицин. Тот поцелуй застал её врасплох, оставив странное чувство, похожее на смущение от тайного романа. Только вот с кем у неё роман — с Е Лицин или с Линь Юйлин? Скорее всего, она просто выдавала желаемое за действительное.

Позже, когда зашел разговор о том, чем поужинать, между девушками возник спор. Линь Юйлин хотела отправиться в уличную закусочную за острыми раками и пивом, чтобы напиться

до беспамятства, а Чу Лянь мечтала лишь о жареной курице из ларька. Они немного повздорили, хотя «ссорой» это назвать было трудно — так, досадная перепалка.

И виновата во всем была Чу Лянь. В свои двадцать лет она совершенно не умела строить отношения, или, возможно, в этом и заключался её главный грех: она не считала, что у них с Линь Юйлин «роман». Линь Юйлин не была её девушкой, а сама она не была девушкой Линь Юйлин.

Но та была права. В этом мрачном старом доме был лишь один луч солнца, пробивавшийся сквозь густую крону огромного дерева и падавший на алюминиевую решетку балкона.

После недолгих жалоб Линь Юйлин вдруг разволновалась и её голос дрогнул. Ночной рынок был полон людей, шум и гам смешивались с запахом гари и жареного жирного теста — летний вечер казался пропитанным духотой, словно жирные хлебные крошки в раскаленной духовке.

Как и говорила Е Лицин, у неё было предчувствие, и у Чу Лянь тоже — на этот раз Е Лицин не ушла, она была где-то рядом.

Линь Юйлин всё ещё застряла в категории «больше чем друзья, но меньше чем пара, и, возможно, так будет всегда». Хотя в грядущие долгие годы этот список явно пополнится новыми элементами.

Линь Юйлин вышла на балкон и потянулась. Вдруг она радостно указала пальцем:

— Смотри! Солнце пробилось сюда.

Через два дня Чу Лянь снова увидела Е Лицин.

Это место было совсем не похоже на подмостки для романтической драмы. Слишком жарко, слишком жирно и слишком странно. Никто не обращал на них внимания. Линь Юйлин смахнула тыльной стороной ладони пот со лба — не слезы, а именно пот от невыносимой жары. Затем она развернулась и широким шагом зашагала прочь, растворившись в толпе прохожих.

Чу Лянь относилась к Линь Юйлин как к подруге, как к верному товарищу. И хотя между ними случалось то, чего обычно не бывает у просто подруг, Чу Лянь никогда не пыталась сменить роль. В некоторые тонкие моменты она казалась такой бесчувственной, такой неспособной отбросить гордость — просто невыносимой.

Чу Лянь не побежала следом сразу. Она не понимала, почему Линь Юйлин так разозлилась. Критические дни? Завалила экзамен? Поколебавшись, Чу Лянь решила сделать несколько шагов в ту сторону, и, протискиваясь мимо группы студентов с сосисками в тесте, она внезапно увидела Е Лицин.

Эта привязанность казалась необоснованной, но стоило Е Лицин заговорить, как всё вставало на свои места.

В тот вечер Чу Лянь только что сдала микроэкономику. Возможно, понимая, как мучительно пересдавать предмет, и зная, что в потоке всегда есть безнадежные студенты, преподаватель составил на удивление простые вопросы. Чу Лянь сдала работу раньше всех, прикинув, что на проходной балл точно наберет. Как говорится, не в оценке счастье, лишь бы сдать. В отличном настроении она отправилась с Линь Юйлин на гастрономическую улицу рядом с университетом.

— Мне кажется, этот дом изменился. Раньше он казался таким мрачным, а теперь — намного лучше, — сказала Линь Юйлин.

Чу Лянь, подобно всем тем недалеким парням, которых впору гнать в шею, с раздражающим недоумением спросила:

— Что с тобой вообще происходит?

Поскольку молоко было горячим, настроение Линь Юйлин немного улучшилось. Она вернулась в спальню и поцеловала Чу Лянь в лоб.

В тот же вечер у Линь Юйлин был профильный экзамен, который она провалила. В отличие от Чу Лянь, которая относилась к учебе спустя рукава, Линь Юйлин была очень целеустремленной. Её всегда огорчало, что она не поступила в престижный вуз, поэтому она мечтала об учебе за границей. А это значило, что средний балл должен быть не ниже 3.5. Но последние экзамены шли неудачно, и сегодняшний стал последней каплей, разбившей её мечты.

Много лет назад Чу Лянь смотрела сериал Дворцовые страсти. Она до сих пор помнила сцену, где принцесса Тайпин, которую играла Чжоу Сюнь, теряется на рынке во время праздника Фонарей и срывает маску с Сюэ Шао. Все эти красивые слова о долгих поисках в толпе казались банальностью, но сейчас, в этот самый миг, Е Лицин стояла посреди толпы и молча смотрела на неё.

Е Лицин была в платье. В девяностые годы его могли бы счесть старомодным, но сейчас, когда Чу Лянь исполнилось двадцать и она училась в университете, этот наряд выглядел воплощением винтажного стиля, эталоном шика. В руках у неё была сумка — теперь Чу Лянь знала, что это называется кембриджский портфель, обязательный атрибут ретро-моды. Когда Чу Лянь ходила в начальную школу, Е Лицин всегда носила эту сумку, и сейчас казалось, что это та же самая вещь, без единого следа износа. Это было похоже на магию.

Словно Е Лицин была человеком, способным выходить за пределы времени. А насколько знала Чу Лянь, кроме магии, ничто другое на такое не способно. Казалось, Е Лицин с самого начала была неразрывно связана с этим словом.

Ещё больше на магию было похоже то, что Чу Лянь сама пошла навстречу Е Лицин. Ею никто не управлял, разум был ясен, она прекрасно понимала, что делает. Всё шло от чистого сердца: она хотела увидеть Е Лицин, хотела быть рядом — только и всего.

Много позже Чу Лянь будет думать: если бы она тогда сделала вид, что не заметила Е Лицин, возможно, ничего бы не случилось. Но в этом мире не бывает столько «если», как и в судьбе нет сослагательного наклонения.

— Сестрица Е! — Чу Лянь изо всех сил замахала рукой.

Е Лицин ответила улыбкой. Когда Чу Лянь подошла, она привычно взяла её под руку.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Е Лицин.

Вообще-то, этот вопрос должна была задать Чу Лянь.

Для неё, студентки университета рядом с этой улицей, находиться здесь было естественно. А вот появление загадочной и неуловимой Е Лицин на шумной торговой улице было весьма многозначительным.

Чу Лянь ответила:

— Я хотела купить... о, купить острых раков.

Она хотела сказать, что собиралась взять жареную курицу, но внезапная волна вины перед Линь Юйлин захлестнула её, и она поправилась, сказав про раков. Смогла бы она их съесть — неизвестно, но в тот момент Чу Лянь казалось, что любая причина, названная Е Лицин, будет звучать абсолютно оправданно. Ночной рынок — место, полное земных забот, и Е Лицин не должна была здесь находиться.

В следующую секунду Чу Лянь почувствовала тяжесть в правой руке. С любопытством взглянув на неё, она обнаружила пакет с горячими, ароматными острыми раками.

— Я... — Чу Лянь онемела от изумления.

Это всё ещё была какая-то... гастрономическая магия? Или просто галлюцинация?

Она всё ещё стояла на оживленной улице, вокруг раздавались крики торговцев, мимо проходили люди, и Чу Лянь даже чувствовала запах их пота и жареных сосисок. А раки в её руке были настоящими — даже запах жгучего перца был передан до мельчайших деталей.

Е Лицин стояла рядом и с улыбкой смотрела на неё:

— Ты ведь этого хотела, верно?

Много позже Чу Лянь поймет, что должна была испугаться, но тогда она не почувствовала ни капли страха, лишь восторг от появления Е Лицин.

— Сестрица Е, ты не хочешь чего-нибудь поесть? Я угощаю.

Е Лицин покачала головой с улыбкой:

— Нет. Спасибо тебе.

— Тогда почему ты пришла сюда? — с любопытством спросила Чу Лянь.

— У меня были дела неподалеку. Но я почувствовала, что ты здесь, и пришла.

— Ты пришла ради меня? — спросила Чу Лянь, и, повернувшись к Е Лицин, решилась задать более смелый вопрос: — Сестрица Е, я тебе нравлюсь?

Е Лицин слегка приподняла бровь, словно Чу Лянь спросила о чем-то настолько очевидном, что ответит даже первоклассник.

— Ты мой самый любимый ребенок, Чу Лянь. Я думала, ты знаешь.

Чу Лянь лишилась дара речи.

Но сдаваться она не хотела и снова начала болтать о пустяках:

— Сестрица Е, а где ты сейчас живешь?

Чу Лянь подумала, что если Е Лицин живет поблизости, она сможет часто её навещать.

Е Лицин лишь улыбнулась ей в ответ.

— Я всё ещё твоя соседка, малышка.

<http://bllate.org/book/21516/2207288>